

Н. П. ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ

Из пережитого. Автобиографические воспоминания

Был довольно близкий мне человек, два года проживший со мною в одной комнате, впоследствии небезызвестный в литературе архимандрит Феодор, потом сложивший с себя сан и писавший под своим светским именем Бухарева. В 1864 году <?>, в мае месяце, мне пришлось быть в Переславле-Залесском. Там проживал Феодор на испытании, или увещании, которое положено было ему от Св. Синода, прежде чем разрешить ему снятие сана. Лет двенадцать не видались мы. А я уже успел слышать от местных жителей в самый день приезда, что вот у них «Златоуст», и затем шли нескончаемые похвалы силе его слова и назидательности, с изложением самого содержания проповедей. Порадовался я за о. Феодора и за переславский народ. Я знал пылкую природу моего однокашника и не сомневался, что таким-то людям и уместно быть миссионерами. Я поспешил свидетелься. Разговорились. Но с первых же слов я нашел себя вынужденным замолчать. Я увидел, что собеседник мой слишком далеко шагнул после того, как четырнадцать и пятнадцать лет назад препирались мы с ним, ходя по лаврской стене, о том, «что такое русский раскол», — он на основании фантастических построений, я — на основании исторических данных. Из келии Никитского монастыря мы втроем отправились на прогулку. Спущено на воду судно, состоявшее из четырех бочек с наложенными поверх досками и на них — скамьи. Вечер. Тихо стояло, едва колышась, Плещеево озеро; точками виднелись рыбацьи лодки. Мало обращая внимания на мои нетерпеливые вопросы об озере и окружающей местности, о местном быте, о способах ловли, породах рыбы и месте сбыта; с видимым неудовольствием посматривая на третьего собеседника, удовлетворявшего мои расспросы, о. Феодор заговорил о современной богословской литературе, осуждал ее сухость и кривое направле-

ние, поясняя, что истинное христианское богословие раскрывается в «Современнике»; пустился в толкование христианских принципов, сознательно руководивших, по его мнению, сотрудниками «Современника». Послушать его, в *свистопляске*¹ был ключ к уразумению православия. Разуверять было бесполезно. Человек ни одной книжки по политической экономии не читал или читал уже тогда, когда при чтении смысл строился на основании предвзятого мировоззрения; о социализме знал понаслышке. Братъ на себя характеристику современных русских писателей, достаточно и доподлинно известных мне по своему направлению, было бы неблагодарным трудом. Мне оставалось слушать и вспоминать со щемлящим сердцем.

Вот он, Александр Матвеевич, некогда двадцатилетний юноша, вежливо, с почти заискивающим видом подходивший к нам вечерами поочередно с предложением читать молитвы на сон грядущим. Он в Академии был «старшим» в нашем номере (комнатным надзирателем), когда я был в младшем отделении. Двадцати двух лет принимает монашество. Душа набожная, пылкое сердце, живой ум, перо легкое и бойкое, но... сведений никаких, за исключением семинарских учебников. Один из его поднадзорных, мой товарищ, М. С. Б<оголюб>ский, проговорил ему предостережение, когда он с нами «прощался». Это был трогательный обычай: студент, принимая иноческий образ, пред пострижением обходил студенческие номера, прощаясь с «миром». М. С. проводил его строгим, почти безжалостным напутствием, внушенным, впрочем, любовью. «Возвращаться поздно; но подумали ль вы о страшном шаге, который опрометчиво совершаете? Вы дали себя увлечь инспектору. Посоветовались бы с кем-нибудь — вас убедили бы, по крайней мере, повременить. В ваши лета, с вашей пылкой душой, дай Бог, чтоб вы не сошли с ума потом или не спились, когда наступит раскаяние о непоправимом шаге». Так приблизительно говорил Б<оголюб>ский в нашем присутствии молча слушавшему кандидату в постриженники; но говорил резко, почти с сердцем. С почтением к М. С. Б<оголюб>скому вспоминаю я об этом мужестве братского участия. И с какою точностию сбылось предвещание!

Оставили Бухарева, теперь иеромонаха Феодора, при Академии и поручили кафедре Священного Писания. На грех попались в руки литографированные лекции по всеобщей истории Лоренца, и они, талантливо изложенные, стали для молодого бакалавра-монаха вторым Евангелием, по которому он изъясняет Библию. А тут еще подоспела Восточная война; с Апокалипсисом и Лоренцом в руках, Феодор толкует судьбы мира; библейски оценивает Наполеона III, Пальмерстона и лорда Непи-

ра (кроме Лоренца, других историков он не читал, а новейших языков не знал, да и в древних был слаб). Прослышал Филарет, потребовал лекции, вызвал бакалавра, уговаривал отечески, просил смирить гордость самомнения, притом неосновательного. Феодор смирился, но только по наружности, а Филарет вскоре же сбыл заблудившегося монаха, представив его к повышению в инспекторы Казанской академии. Несомненно, и там ум его колобродил. Распахнуться было свободнее: Филаретова глаза не было. Но я не следил за казанскою деятельностью Феодора. Он потом выплыл на свет либеральным духовным цензором в Петербурге и наконец сложил сан, оставаясь глубоко верующим и искренно набожным, но находя тем не менее, что истинный путь ко Христу (в положительном, а не отрицательном смысле) указывается «Современником» и вообще красною печатью западного направления.

Поплавали мы. Я проводил переславского Златоуста до келии архимандрита в Никитском монастыре. Там ждала дама, ученица Феодора (после — супруга его, как я слышал). Благоговейный взор, устремленный на учителя, боязнь проронить каждое его слово... Я уехал с тяжелым чувством.

После, уже издателем газеты, я получил от Александра Матвеевича одну или две статьи о каких-то общественных вопросах; печатать я их не нашел возможным: складные и горячо написанные, они лишены были, как и надлежало ожидать, всякого понимания действительности. Слышал я, что Бухарев и жил и умер истинным подвижником; и неудивительно: он был святая душа во всяком случае.

Чтобы договорить об о. Феодоре все, скажу, что во время совместного служения нашего в Академии он ездил из Троицы в Ростов, между прочим, молиться обо мне. В Ростове проживал некто, кажется, из заштатных священников, «Петр Юродивый»², слывший угодником и прозорливым. К нему-то обратился Феодор, вместе с другом своим, тоже монахом-бакалавром и столь же односторонним энтузиастом (Порфирием); просили они молитв блаженного за себя, да и за меня кстати. По слухам, дошедшим до них от студентов, недостаточно меня выражавших и, во всяком случае, искажавших содержание моих лекций, они признали меня еретиком и отступником.

Выслушал их сердобольное моление угодник Божий: «Да вы о себе-то молитесь больше и препобеждайте гордость духовную, а не осуждайте других». Об этом ответе, с достойною уважения откровенностью, передавали потом сами богомольцы.

